

## КОНЦЕПТ «ВЕРА» В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ: ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

張慶國/Ching-gwo Chang

淡江大學俄文系 副教授

Department of Russian Language and Literature, Tamkang University

### 【摘要】

本文將以對比語言文化學分析方式介紹獨特的俄羅斯文化概念 VERA (FAITH)。論文目的在於描述俄漢語言對比中有關 VERA (FAITH) 此一概念的複雜語義內容與結構特徵。本篇論文研究方法的基礎為語言文化學，而具體研究方式是以語言文化學分析的角度將此概念的語言客體化與內容對比。該研究的材料取自俄語和漢語基本詞典。本論文研究成果將對於編制概念和語言文化敘詞創新詞典的理論與實踐上提供了學術上的貢獻，而其實用意義在於給予教授俄語作為外語的教師一項重要資料。俄羅斯文化概念 VERA (FAITH) 是民族的複雜精神、心理、評價和行為活動的一般方式。相較之下，在漢語語言文化中，與訴諸於理性或健全理智的差異在於實際的觀點，且信仰的取向在較小的程度上得到了體現。

### 【關鍵詞】

VERA (FAITH) 概念、對比語言認知分析、語言文化學、俄語、漢語

### 【Abstract】

The article presents contrastive linguo-culturological analysis of the unique Russian cultural concept VERA (FAITH). **The purpose** is to give complex description of content and structure features of verbal embodiment of the concept VERA (FAITH) in the aspect of Russian-Chinese language correlations. **Design / methodology / approach.** The linguo-culturological approach is the base of the

research methodology. The concrete method is the methodic of contrastive linguo-culturological analysis of conceptual content and language objectification of the concept. The material of the study is the data of basic Russian and Chinese dictionaries. **Practical implications** of the research is conditioned by possibility to use its results for teaching Russian as foreign language for Chinese graduate and post-graduate students. The results can be also used in the theory and practice of compiling the innovational dictionaries of concepts and linguo-cultural thesauri. **Findings** is that the Russian cultural concept VERA (FAITH) is general way of complex spiritual, mental, evaluative and behavioral activities of the ethnos. **Originality / value.** The analysis proves that cognitive and linguo-cultural importance of the orientation towards FAITH is less significant for Chinese linguo-culture because of increased value of official social status relationship, practical consciousness and common sense for Chinese native speakers' speech practice.

**【Keywords】**

concept VERA (FAITH); contrastive linguo-cognitive analysis; linguo-culturology, Russian language; Chinese language

### Введение

В последнее время в современной русистике отмечается значительная активизация исследований, посвященных анализу ключевых понятий национальной культуры, которые получили терминологическое обозначение «культурные концепты» [Логический анализ языка 1991], или «лингвокультурные концепты» [Воркачев 2004]. Так, в предисловии к сборнику статей «Логический анализ языка: Культурные концепты», изданному под эгидой Института языкознания РАН в 1991 г., его ответственный редактор, Н.Д. Арутюнова пишет: «Человек живет в контексте культуры. Она является для него «второй реальностью». Он создал ее, и она стала для него объектом познания. Природа познается извне, культура — изнутри. Ее познание рефлексивно. Чтобы в нем разобраться, нужно проанализировать метаязык культуры, и прежде всего ее ключевые термины, такие, как «истина» и «творчество», «долг» и «судьба», «добро» и «зло», «закон» и «порядок», «красота» и «свобода». Эти понятия существуют в любом языке и актуальны для каждого человека... Мировоззренческие понятия личностны и социальны, национально специфичны и общечеловечны. Они живут в контекстах разных типов сознания — обыденном, художественном и научном. Это делает их предметом изучения культурологов, историков религий, антропологов, философов и социологов» [Арутюнова 1991: 3].

Изучение именно языкового выражения круга значимых для того или иного этноса идей и ценностей позволяет объективно судить о национальном своеобразии «языковой картины мира» этноса, о специфике отношения к миру и моделей поведения, присущих данной культуре [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005], о своеобразии языкового менталитета [Радбиль 2016]. Как пишет В.Н. Телия, большинство языковых значений так или иначе соотнесены с тем или иным культурным кодом, который как-то «вычитывается» в словах и выражениях естественного языка в речевой практике этноса [Телия 1996: 219 и далее].

Не менее важным в этой связи представляется и сопоставительное изучение разных «языков национальной культуры», при котором этническая и

культурная обусловленность мировидения и системы ценностей, отраженных в языке, становится наиболее очевидным, так как верифицируется объективным фактом наличия существенных сходств или, наоборот, различий в языковом выражении важных для этноса культурных смыслов. Не вызывает сомнения теоретическая и практическая ценность исследований подобного рода, с одной стороны, для более глубокого понимания собственной национальной идентичности, а с другой — в плане поиска оптимальных моделей кросс-культурной коммуникации, «диалога культур» и пр.

Настоящая статья посвящена сопоставительному анализу одного из базовых русских «культурных концептов», конституирующих неповторимый ментальный и ценностный образ русского мира, — концепта ВЕРА.

**Цель исследования** — комплексное описание содержательных и структурных особенностей вербального воплощения концепта ВЕРА в аспекте русско-китайских языковых соответствий.

**Методологической базой исследования** является лингвокультурологический подход, разработанный в трудах [Арутюнова 1991; Вежбицкая 1996; Телия 1996; Степанов 1997; Воркачев 2004; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005; Радбиль 2016 и др.]. Лингвокультурологические исследования концептов национальной культуры в наши дни является одним из самых главных научных инструментов, с помощью которых мы можем проникнуть в глубинное культурно-значимое содержание, стоящее за словами и выражениями, моделями и категориями национального языка и связанное с выражением особенностей мировосприятия, системы идеалов и ценностей, коммуникативных моделей и речеповеденческих установок этноса.

**Конкретным методом**, использованным в работе, выступает метод сопоставительного лингвокогнитивного анализа концептуального содержания и языковой объективации концепта, основанный на выявлении национально-культурной специфики языковой концептуализации мира, которая отражена в парадигматических, синтагматических и деривационных связях и отношениях, в ассоциативном и коннотативном потенциале сравниваемых единиц и пр.

**Материал для исследования** — данные основных русских и китайских толковых словарей [БТСКЯ 1982; ТСРЯ 1986; СО 1993; СУ 1996; СЕ 2000; ИТСКЯ 2015].

**Практическая значимость** исследования состоит в том, что его основные результаты могут быть использованы в вузовском преподавании русского языка как иностранного для китайских аспирантов и студентов — как в Китае, так и в России. Также полученные данные могут быть применены для теории и практики создания словарей нового типа — словарей концептов (в том числе — двуязычных) и лингвокультурных тезаурусов.

### 1. Семантическое наполнение и смысловой объем концепта ВЕРА в русском языке

В русской культуре издавна существует представление об особой важности, значимости, ценностной маркированности самых разнообразных смыслов, которые связаны с понятием ВЕРА. Это можно видеть по активному присутствию этого понятия в религиозной практике, в философии, литературе и публицистике, широко отражено понятие ВЕРА в самых разных фольклорных текстах и обрядах — в фразеологизмах, пословицах и поговорках, сказках и легендах.

В этой связи в работе Т.Б. Радбиля «Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира» (2018) отмечается, что «... ВЕРА вполне коррелирует с базовыми представлениями русских людей о том, как устроен мир, — с «ключевыми идеями русской картины мира» [Зализняк, Левонтина, Шмелев. 2005: 5–7], прежде всего с представлениями о непознаваемости, иррациональности мироустройства в целом, о неконтролируемости субъектом внешних событий и внутренних состояний (ср. возможность безличного *верится* / *не верится*), с идеей справедливости, правды (ср. *верой* и *правдой*), которая выше обезличенной истины, с идеей «хорошо, когда другие люди знают, что человек чувствует, т.е. с идеей душевной открытости, задушевности, искренности как основы взаимоотношения людей (*все всем верят, доверяют*)» [Радбиль 2018: 32].

Данные русского языка также свидетельствуют о том, что русские люди — осознанно или, по большей части, бессознательно — склонны концептуализировать в терминах веры самые разные стороны духовной жизни, ментальной, психической или социальной действительности.

Это вполне соответствует предложенному в работах Анны Вежицкой научному понятию «культурная разработанность концепта», которая проявляется в самых разнообразных участках языковой системы и ее речевой реализации [Вежицкая 1996]. Это прежде всего, «разнообразие сфер приложимости данного понятия (в каких ситуациях и по поводу каких объектов люди предпочитают мыслить и разговаривать в терминах данного концепта), связанная с этим богатая полисемия слова — имени концепта и активные модели метафорических переносов, широкое вхождение в синонимические, антонимические, гипо-гиперонимические, партитивные и ассоциативные связи, разветвленное словообразовательное гнездо и деривационная активность, наличие разнообразных этимологических связей с другими словами других тематических групп, богатая история семантического развития лексем и диахронических словообразовательных процессов и пр.» [Радбиль 2017: 27].

Культурная значимость концепта ВЕРА закладывается еще на ранних стадиях существования «русского мира», о чем свидетельствуют данные академика Ю.С. Степанова: в духовном концепте ВЕРА имеется, по меньшей мере, два противопоставленные пласта: вера как психический акт (как акт воли) и вера как «концептуальное содержание», т.е. некий тип знания, называемый «откровение свыше» [Степанов 1997: 273–274]. Также академик Ю.С. Степанов отмечает наличие достаточно архаизованного, во многом — мифологического представления о вере как о внечеловеческой предметной сущности, как субстанции, которую можно делить (ся), давать, принимать и пр.: «Сама же «Вера» (так же, как «Слово», «Слава», «Любовь» и некот. др. духовные концепты) предстает при этом как некоторая автономная, независимая ... от говорящего и слушающего, от просящего и адресата, от человека и божества, — «плотная» сущность, могущая быть предметом передачи от одного к другому» [Степанов 1997: 269].

М.Г. Селезнев в работе «Вера сквозь призму языка» (1988) также отмечает практически тотальный характер отношения русского человека к миру, к жизни к другим людям через призму веры как особого, внелогического (в его терминологии — «металогического») типа высшего знания. Кроме того, важно, что в таком типе отношения к действительности на первый план выступает субъективно-ценностный компонент ВЕРЫ — ориентация на духовный идеал (едва ли можно верить во что-то плохое): «Отметим, прежде всего, некую "несимметричность" веры по отношению к добру и злу: предмет веры — скорее нечто хорошее, нежели нечто плохое» [Селезнев 1988: 247]. Особенно ярко этот морально-оценочный компонент проявляет себя в особой функции глагола *верить* — в роли глагола пропозициональной установки *Я верю, что...*: «Если здесь и может идти речь о доверии к чему-то — то не о доверии к внешнему авторитету, а о доверии к какой-то глубиннейшей интуиции о "добром" устройении мира, о том, что ведь должен же мир соответствовать нашему идеальному (и потому — оптимистическому) представлению о нем» [Селезнев 1988: 248].

Т.Б. Радбиль в работе «Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира» (2018) видит культурную разработанность, особую ценностную значимость и, как следствие, значительный объем концептуального содержания русского концепта ВЕРА в том, что в этом концепте «соединяется четыре совершенно разных, с точки зрения, например, западного культурного сознания, ментальных и ценностных пласта, которые в таких языках, как, например, латинский или английский, выражены разными словами, причем неоднокоренными: (1) способ верификации истины, противоположный знанию, при котором не требуется логического доказательства или проверки практикой — это интуитивное умозрение, «знание души», связанное с ориентацией на идеал (*принять на веру, поверить, вера в Бога* и пр.) — в латыни этому смыслу соответствует *fides*, в английском — *faith*; (2) этимологическое, восходящее к праиндоевропейскому корню, общему для русского и латыни — ‘истина, правильность’ (ср. *верная* (т.е. *правильная, истинная*) *дорога*) — в латинском языке этому значению соответствует *verus* — ‘истинный, правильный’ (*veritas* — ‘истина’), в

английском — *truth* → *true, right*; (3) доверие (в мире людей) — *верить на слово, доверять* (в том числе *вещи*) — в латыни здесь снова совершенно другой корень *credo (creditus)*, в английском — *belief, trust*; (4) идея преданности — *верный друг*, в латыни этому значению соответствует слово, восходящее к *вере<sub>1</sub> (fides)* — *fidelis*, а в английском — либо слово от *вера<sub>1</sub> (faith)* — *faithful*, либо от *вера<sub>2</sub>* — *true*» [Радбиль 2018: 25].

Данные русских словарей также демонстрируют значительный смысловый объем концепта ВЕРА и исключительную широту и разнообразие сфер его приложимости.

(1) ВЕРА связана с религиозными переживаниями, мистическими переживаниями: это «состояние сознания верующего, религия (книж.)», «то или иное религиозное учение» [СУ 1996] (ср. *вероисповедание, верование*, но и *суеверие*), «убежденность в существовании Бога, высших божественных сил» [СО 1993].

(2) ВЕРА является и особым типом знания, иррационального, не основанного на логической аргументации: «признание чего-л. истинной силой, превосходящей силу аргументов, фактов и логики»; «убежденность в истинности того, что не доказано с несомненностью» [СЕ 2000].

(3) ВЕРА отражает мировоззренческую сферу, сферу убеждений — в комплексе переносных значений: «*перен.* Мировоззрение, направление в общественной жизни, науке, искусстве (книж. шутил)» [СЕ 2000].

(4) ВЕРА является основой для субъективного ощущения истинности, правильности чего-либо, когда она выступает как личностный психический акт убежденности в чем-либо: «твердое убеждение в непременном осуществлении, неизбежности чего-нибудь предстоящего (книж.)», «уверенность в исполнении возлагаемых на кого-нибудь надежд, ожиданий (книж.)» [СУ 1996].

Еще более значительным становится «разброс» возможных вариантов применения слов, воплощающих данный концепт в языке, если мы рассмотрим дериваты (производные слова) на базе ВЕРА / ВЕРИТЬ, фразеологически связанные употребления слов ВЕРА / ВЕРИТЬ, а также слова, этимологически восходящие к корню –ВЕР-.

Так, ВЕРА как особый тип знания признается вполне нормальным,

нормативным и «правильным» инструментом для верификации истины — ср. глагольные дериваты *проверять, заверять, уверять (ся)* т.е. признавать истинным; прилагательное *верный* «правильный», *достоверный*. Кстати, именно этот тип знания признается в русской культуре высшим: недаром идею проверки (= верификации), официального заверения истинности чего-либо, а также уверенности в истинности чего-либо русский язык выражает в терминах веры. Не случайно и то, что слово *уверенность* тоже восходит к этому корню. Ср. в этом плане другое характерное слово *достоверный* — безусловно истинный, соответствующий действительности и проверенный на практике.

При этом, с другой стороны, ВЕРА может вторгаться и в область модальности предположения — *вероятный* (*веру яти* «принять на веру»), *наверное*. Примечательно, что с одной стороны, *достоВЕРный*, т.е. известный точно, истинный, а с другой стороны, *ВЕРоятный*, т.е. известный предположительно, возможный — оба эти антонима восходят к общему корню –ВЕР-.

Ряд фразеологизмов с компонентом ВЕРА / ВЕРИТЬ и ряд других производных слов свидетельствуют еще об одной области приложимости концепта ВЕРА — о моральной оценочности. Это мы видим в фразеологизмах *Верой и правдой, по вере и правде* «искренне, честно»; *Отдать на веру* «положиться на совесть, на честность кого-л., довериться». Возможность ВЕРЫ вторгаться в сферу моральной оценочности отражают также и дериваты — *неверный* (муж), «тот, кто изменяет жене, нарушает правила морали» [СЕ 2000]. Это частный случай более общего значения для слова *неверный* «Такой, к-рому нельзя верить, т.е. не оправдавший доверия, нарушивший свои обязательства перед кем-чем-н.» [СУ 1996].

Мир человеческих взаимоотношений отражает еще одна конфигурация смыслов, связанная: (а) с идеей доверия — *поверить, доверить, доверчивый, верить на слово*; (б) с идеей преданности — *верный друг*.

Таким образом, мы можем вполне согласиться с выводами Т.Б. Радбиля, который доказывает культурную разработанность данного концепта именно посредством указания на разнообразие сфер употребления слов, объективирующих этот концепт, — причем сфер, логически не связанных друг

с другом: «Слова с корнем *-вер-* употребляются в самых разноплановых контекстах:

- когда мы говорим об состояниях знания или мнения, о понимании, т.е. о ментальных состояниях,
- когда мы говорим об уверенности или сомнении, об установках личности, т.е. об интенциональных состояниях нашей волевой сферы,
- когда мы говорим об убеждениях и принципах,
- когда мы говорим о духовных идеалах и нормах, о моральных ценностях или приоритетах,
- когда мы говорим о межличностных взаимодействиях, о мире человеческих отношений (о доверии),
- когда мы говорим о внутреннем психическом мире, об эмоционально-оценочных реакциях на окружающее (о преданности) и пр.» [Радбиля 2018: 29].

Проведенный анализ показал, что именно ВЕРА для русских людей выступает как средоточие всей совокупной духовной деятельности людей. ВЕРА является инструментом знания и понимания, средством верификации истины. ВЕРА является основой мировоззрения, системы убеждений. ВЕРА отражает внутренний мир, эмоциональную сферу человека. ВЕРА характеризует также область надежд, упований, чаяний, т.е. того, что люди ждут в будущем. ВЕРА лежит в основе нравственно-оценочного отношения к миру и к людям (доверия и преданности). ВЕРА — это ориентация на духовный идеал, на ценностные нормы и приоритеты личности. ВЕРА также является источником поведенческой активности людей в практической жизни. Именно концепт ВЕРА является ярким свидетельством того, что в русском мире ценностей на первый план выходит глубоко личностное, очеловеченное отношение к миру, при котором «правда» человеческих намерений и поступков ценится выше утверждения истинного, реального положения дел.

## **2. Концепт ВЕРА в контексте русско-китайских языковых соответствий**

Комплекс идей, связанных с понятием ВЕРА, также активен и в китайской лингвокультуре, что, скорее всего, отражает универсальные общечеловеческие аспекты этого концепта. Однако, по нашим наблюдениям,

концепт ВЕРА в языковой картине мира китайцев не носит столь всеобъемлющего характера, как в русской языковой картине мира, хотя все смыслы, которые объединены в русском языке в слове ВЕРА, разумеется, присутствуют и в китайском языке.

В этом плане и для русско-китайских лингвокультурологических параллелей приходится признать справедливым приведенный нами выше вывод Т.Б. Радбиля, сделанный ученым при сопоставлении языковой реализации концепта ВЕРА в русском и западных (в том числе мертвом латинском) языках [Радбиль 2018: 25]. Речь шла о том, что в русском слове ВЕРА объединены разные значения, которые в западных языках вполне логично актуализованы в разных словах, причем не однокоренных и не связанных логически, семантически или структурно.

Точно так же мы наблюдаем, что разные смысловые компоненты русского концепта ВЕРА, отраженные (этимологически или синхронически) в общем русском корне –ВЕР-, в китайском языке вербализуются разными корнями: 信 [xin4], 任 [ren4], 任 [ren2], 仰 [yang3] и др.

С другой стороны, базовый для выражения этого понятия в китайском языке корень 信 [xin4] включает в себя семантические расширения, не свойственные русскому языку (иными словами, китайцы включают в круг понятий, связанных с ВЕРОЙ, несколько иные ассоциации, нежели русские).

Ниже представлены результаты сопоставительного анализа ВЕРА и 信 [xin4], обобщенные по словарям [БТСКЯ 1982; ТСРЯ 1986; ИТСКЯ 2015].

Основной корень, соответствующий русскому –ВЕР-, в китайском языке — это 信 [xin4]. Обобщенные данные по словарям позволяют выделить следующие смысловые компоненты:

1. честность, не обманывать
2. держать слово, выполнять обещания
3. правда, действительность
4. регулярность, не совершать неточность
5. точность, выяснение
6. **верить**
7. знать, ожидать

8. доверять
9. вещь, доказывающая личность
10. человек, передающий документы или письма
11. письмо
12. информация
13. ночевать двое суток подряд
14. белый мышьяк
15. объект в посуде
16. одна из фамилий

Нетрудно видеть, что и в китайском языке этот концепт объединяет несколько разных типов ментальной, эмоциональной или моральной активности личности. С одной стороны, мы видим комплекс смыслов, связанный с идеей доверия (в мире людей): «честность, не обманывать», «держат слово, выполняют обещания», «доверять», с другой стороны, мы наблюдаем связь с идеей истинности, правильности (лат. *Veritas*): «правда, действительность», «регулярность, не совершать неточность», «точность, выяснение».

К этому комплексу смыслов примыкает обозначение ментального состояния знания: «знать, ожидать» (обратим внимание на специфически китайскую конфигурацию смыслов, в которой знание сопрягается с ожиданием, т.е. с определенным прогнозом на будущее» (это отражение известного практицизма китайского языкового сознания, при котором знание человека обязательно должно воплощаться в будущем положении дел в мире (в отличие от русской идеи непредсказуемости будущего).

В этом плане важен компонент «информация» и метонимический перенос «информация → носитель информации неодушевленный («письмо») или одушевленный («человек, передающий документы или письма»)). Также отметим компонент значения, примерно соответствующий русскому слову *достоВЕРность* — «вещь, доказывающая личность» (ср. русское — с тем же корнем *удостоВЕРение (личности)*).

Три компонента смысла отражают уже специфику китайских реалий социальной действительности — «ночевать двое суток подряд», «белый

мышьяк», «объект в посуде». Объект в посуде — метафорическая конкретизация абстрактного понятия «содержимое» — также вполне объяснимо входит в конфигурацию идей, связанных с китайским концептом ВЕРА.

В числе производных словокомплексов, связанных с корнем 信 [xin4], отражающих акциональную, глагольную сферу приложимости концепта, отметим 信任 [xin4 ren4]: «верить кому-либо, назначать его на какую-либо должность», «позволять». Это тоже явным образом соотносится с русскими компонентами смысла для концепта ВЕРА — «доверять», в том числе — должность (по-русски *поручать*) или «разрешать». Однако следует отметить и здесь специфическую китайскую конфигурацию смыслов, когда общая идея доверия в мире людей, которая у русских в основном связана с неформальными дружескими отношениями, в китайском языке соотнесена с социальными официализированными отношениями — назначение на пост. В русской языковой картине мира ВЕРА есть интимное, неформальное отношение, и, конечно, она никак не связана с продвижением по социальной лестнице.

Еще один производный словокомплекс на базе вышеозначенного корня 信 [xin4] отражает религиозный смысл понятия ВЕРА — 信仰 [xin4 yang3] «экстремальное доверие и уважение к какой-либо религии, какому-либо мнению или кому-либо». Здесь национальную специфичность китайского представления данного концепта мы видим именно в производном, вторичном характере религиозного компонента, тогда как в русском ВЕРА этот компонент является одним из исходных, базовых.

Активность в китайском языке такого аспекта русского концепта ВЕРА, как социальные, статусные отношения между людьми, отражает использование уже другого корня — 任 [ren4] (это второй компонент производного словокомплекса, рассмотренного выше — 信任 [xin4 ren4], что доказывает наличие смысловой синтагматической связи между двум корнями в его составе). Иными словами, в китайской языковой картине мира ментальный и социальный аспект в концепте ВЕРА не связаны и могут рассматриваться изолированно, независимо друг от друга. Вот комплекс смыслов, связанный с этим корнем в китайском языке — 任 [ren4]:

- 
1. ответственность, пост
  2. должность
  3. срок должности
  4. назначать кого-либо на какую-либо должность
  5. позволять
  6. выполнять обязанность
  7. **верить**
  8. несмотря на.

Нетрудно видеть, что здесь акцент делается на тот блок смыслов в содержании концепта ВЕРА, который в русском языке соответствует официальным состояниям и действиям — *заверять (заверить) документы, удостоверять (удостоверение)* и пр. Любопытно, что этот же корень с другой интонацией — 任 [ren2] (т.е. имеется ассоциативная смысловая связь) отражает негативно-оценочную коннотацию, сопоставимую с русским *неверный* — это значение «коварный человек».

Третий корень в китайском языке, отражающий специфику межличностных психологических отношений между людьми — 仰 [yang3]. Базовое значение этого корня, связанное с физическим положением тела в пространстве «поднимать голову» через метонимическое обобщение — общая идея движения вверх получает значение «полагаться на кого-то», т.е. испытывать доверие к кому-то, на фоне чего усиливается позитивно-оценочное значение «преклоняться» (по-русски — *верить в кого-то (во что-то)*, но в несколько меньшей степени интенсивности, чем китайское «преклоняться»). Национальную специфичность данного аспекта языковой объективации концепта ВЕРА в китайском языке мы можем видеть именно в выделении этого комплекса смыслов посредством отдельной номинации, при котором психологический аспект доверия и социальный (профессиональный) аспект доверия в китайском языке противопоставлены, тогда как в русском языке они объединяются общей идеей доверия в мире людей, причем прежде всего — в плане межличностных отношений.

### Выводы

В целом проанализированный материал позволяет сделать некоторые важные выводы, касающиеся рецепции концепта ВЕРА в русской и китайской лингвокультурах. Данные языкового сопоставления позволяют констатировать, что в принципе весь комплекс смыслов, образующих концептуальное содержание и смысловой объем концепта ВЕРА в русском языке, так или иначе присутствует и в китайском языковом материале, но распределены они по-разному.

В частности, русское понятие ВЕРА в китайском языке передано тремя базовыми корнями, не имеющими между собой прямых смысловых соответствий. Иными словами, в китайском языке дифференцированы такие компоненты русского концепта ВЕРА (присутствующие в его содержании в синкретичном, нерасчлененном состоянии), как сфера знания, понимания, истинности, как сфера социальных (профессиональных, официальных) взаимоотношений между людьми и как морально-этическая идея межличностных интеракций психологического характера (доверие, преданность).

При этом в мире китайских ценностей собственно религиозный аспект понятия ВЕРА не играет такой всеобъемлющей роли, как в русском мире, что доказывается производным характером языкового выражения, схватывающего эту конфигурацию смыслов в китайском языке, — 信仰 [xin4 yang3]. Это обстоятельство позволяет предположить, что в китайской лингвокультуре ориентация на веру в мистическом, религиозном смысле этого понятия представлена в гораздо меньшей степени, в отличие от апелляции к разуму, практическим соображениям или здравому смыслу.

Применительно же к чисто языковым особенностям репрезентации концепта ВЕРА в плане русско-китайских соответствий можно отметить, что для китайского языка в большей степени характерно метонимическое переосмысление по модели концептуальной метафоры овеществления или одушевления — т.е. понимание ВЕРЫ как человека или вещи, предмета. Некоторые метафорические семантические расширения для концепта ВЕРА в китайском языке («ночевать двое суток подряд», «белый мышьяк», «объект в

посуде» и пр.) не имеют аналога в русском языке, что, видимо, связано с отражением в рецепции этого понятия китайцами реалий китайского социума и идеологических и ценностных приоритетов китайской культуры.

Думается, что предлагаемый в данной статье подход очерчивает определенные перспективы дальнейших исследований в области культурно-значимых русско-китайских соответствий языковой реализации ключевых концептов русской и китайской лингвокультур, что в свою очередь позволит сделать важные выводы в плане их национального своеобразия и наметить пути к оптимальному кросс-культурному взаимодействию народов.

### Литература

1. Арутюнова Н.Д. От редактора: Вступительная статья // Логический анализ языка: Культурные концепты: Сб. научн. трудов. ИЯ АН СССР / Отв.ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1991. С. 3–5.
2. Большой толковый словарь китайского языка [БТСКЯ] / под ред. Линь-и, Гао-мин. Тайбэй: Университет китайской культуры, 1982.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997.
4. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. — 192 с.
5. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка [СЕ]. В 2-х т. М.: Русский язык, 2000. Т.1.
6. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005.
7. Исправленный толковый словарь китайского языка [ИТСКЯ] / под ред. Сюй Сюе-жэнь: Тайбэй: Министерство образования Тайваня, 2015. Режим доступа: <http://dict.revised.moe.edu.tw/cbdic/search.htm>
8. Логический анализ языка: Культурные концепты: Сб. научн. трудов / Отв.ред. Н.Д. Арутюнова; ИЯ АН СССР. М.: Наука, 1991.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [СО]. 14-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1993.

10. *Радбиль Т.Б.* Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2018. С. 23–35.
11. *Радбиль Т.Б.* Основы изучения языкового менталитета: Учебн. пособие. 4-е изд. М.: Флинта; Наука, 2016.
12. *Селезнев М.Г.* Вера сквозь призму языка // Прагматика и проблемы интенциональности: Сб. научн. трудов / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: ИЯ АН СССР, 1988. С. 244–254.
13. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Академпроект, 1997.
14. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
15. Толковый словарь русского языка [ТСРЯ] / под ред. Ло Чжу-фэн. Шанхай: Шанхай Цы-шу, 1986.
16. Толковый словарь русского языка [СУ]: В 4-х т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: «Терра», 1996. Т.1.

本論文於 2018 年 10 月 16 日到稿，2018 年 11 月 16 日通過審查。